

References

1. Balmont K. D., Mareva M. V. Budem kak Solntse. Kniga simvolov. Ivanovo, 2008. 208 p.
2. Balmont K. D. Gde moy dom. Moscow, Respublika, 1992.
3. Balmont K. D. Izbrannoe. Moscow, Pravda, 1990.
4. Balmont K. D. Polnoe sobranie stihov. – Moscow, Skorpion, 1909.
5. Balmont K. D. Svetosluzhenie. Harbin, 1937.
6. Belyiy A. Simvolizm kak miroponimanie. Moscow, Respublika, 1994.
7. Voprosy stilistiki. Saratov, 1976. Vyp. 2.
8. Zaytsev B. K. Zemnaya pechal. Leningrad, Lenizdat, 1990.
9. Ninov A. A. Tak zhili poetyi // Neva, 1978, № 6.
10. Toporov V. N. Mif, ritual, simvol, obraz. Moscow, 1995.
11. Fedotov G. Stihi duhovnyie. Russkaya narodnaya vera po duhovnyim stiham. Moscow, Progress, 1991.
12. Lavrov A. K. Mif – folklor – literatura. Leningrad, 1988.
13. Epshteyn M. N. Priroda, mir, taynik vselennoy... Moscow, Nauka, 1990.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАПИСИ И ПУБЛИКАЦИЙ ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН В XIX–XXI вв.

Расумов Ваха Шаманович, аспирант, Чеченский государственный университет, 364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32.

В статье анализируются впервые зафиксированные ещё в начале XIX в. чеченские народные девичьи лирические песни. Песни до настоящего времени полностью не записаны и не опубликованы, а вопросы поэтики и национального своеобразия народной лирики только ставятся в чеченском и отечественном литературоведении.

Ключевые слова: фольклор, лирика, девичьи песни, чеченский фольклор, национальное своеобразие, поэтика

FROM HISTORY of RECORD AND PUBLICATIONS OF THE CHECHEN NATIONAL LYRICAL SONGS IN THE XIX–XXI centuries

Rasumov Vakha Sh., post-graduate student, Chechen State University, 364907, Russia, Chechen Republic, Grozny, 32 A. Sheripova St.

In article the Chechen national maiden lyrical songs are analyzed. Songs are recorded for the first time at the beginning of the XIX century, but so far completely aren't written down and not published. Questions of poetics and national originality of national lyrics only are put in the Chechen and domestic literary criticism.

Keywords: folklore, lyrics, maiden songs, Chechen folklore, national originality, poetics

Народные лирические песни занимают особое место в сокровищнице чеченского фольклора. От других фольклорных жанров, в частности, героико-исторических песен или, они отличаются установившимися своеобразными традиционными формами жанра и «широким использованием поэтических тропов и приемов». В чеченских лирических песнях слышится голос давно прошедших эпох, настроения, переживания, страдания и надежды горянок.

Чеченская народная лирика в поле зрения исследователей оказалась в начале XIX века, когда в 1816 году в «Азиатском музыкальном журнале», выходившем в то время в Астрахани под руководством Ивана Добровольского, были впервые опубликованы образцы чеченских народных лирических песен [1]. По меткому замечанию ученого-искусствоведа С.В. Татаевой, высказавшейся в научной печати по поводу

этого события, «...чеченская песня в журнале Добровольского имеет характерные национальные черты музыкального народного творчества» [16, с. 142].

Известно, что в 30-х годах того же столетия во время посещения Чечни чеченскими народными лирическими песнями интересовался композитор А.П. Балакирев. Нотные записи известного композитора ещё не введены в научный оборот.

27 сентября 1963 года в республиканской газете «Грозненский рабочий» была опубликована статья научного работника Чечено-Ингушского республиканского музея И.З. Пономаревой «Неизвестные страницы». В ней она сообщала, что национальный краеведческий музей пополнился еще двумя особенными экспонатами. Это были оригиналы двух работ «Два с половиной года в плену у чеченцев (1847–1850 гг.)» и «Нечто о Чечне», написанные более полутора века назад Иваном Клинггером, о существовании которых ученые совершенно не ведали. Эти две работы, в какой-то степени дополнявшие одна другую, стали большим событием для чеченских ученых: историков, этнологов, искусствоведов и фольклористов. Даже будучи в чрезвычайно стесненных обстоятельствах (в течение долгого времени он был военнопленным), И. Клинггер оставил много важных свидетельств, в которых без всякой обиды достоверно описал жизнь и быт чеченцев середины XIX века. Несомненный талант ощущается и в его каварелях, запечатлевших социальный быт чеченцев того времени.

Особую ценность представляют тексты шести песен, записанных собственноручно «кавказским пленником», где не только указано, когда и в какой обстановке были записаны тексты, но и с помощью музыкальных нот зафиксированы мелодии к ним. Более того, за всё время пребывания в Чечне только начинающий понимать чеченский язык И. Клинггер к нотам первых пяти песен привёл слова.

Особо хочется отметить отзыв чеченской исследовательницы С.В. Татаевой, приведенный в её вышеупомянутой работе: «Песня № 4 исполняется детьми. Маленький темп, известная сдержанность музыкального языка, плавный рисунок мелодической линии позволяют отнести этот образец народного творчества к жанру прославляющих песен. Ощущается живое песенное начало, которое проявляется то в свободных взлётах мелодии, то в подвижных её "распевах". Выразительные интонации придают лирическую певучесть мелодическому строю песни» [16, с. 146]. К сожалению, исследуя детские лирические песни, С.В. Татаева использовала только оригиналы рукописи И. Клингера в научных целях, но не привела ноты. Также без музыкальных нот остались песни Клингера под номерами 3 и 5. Это невозможная утрата для чеченской культуры, так как оригиналы рукописи Клингера, хранившиеся в Национальном музее Чеченской Республики, в огне военных кампаний конца прошлого столетия полностью уничтожены.

Середина XIX века ознаменовалась другими интересными событиями. В последние дни мая 1851 года в Чечню впервые прибыл Лев Николаевич Толстой. Известно, что 22-летний молодой граф попал в наш край в поисках «цели, достойной для человека...» [6, с. 46–49]. Спустя некоторое время он подружился здесь с местными казаками, кумыками и чеченцами. Особенно крепкой была дружба Толстого с Садо Мисирбиевым, Балтой Исаевым и Дурдой (фамилия неизвестна). Писатель позже много раз отмечал, что благодаря именно этой дружбе он познал истинную цену жизни. Здесь, в Чечне, в корне изменились его взгляды на жизнь, а дневниковые записи о традициях, социальной жизни, народной медицине, об устном народном творчестве чеченцев говорят о весьма теплых чувствах к нашему краю и проживающим здесь необычным людям. В 1951 году Толстой оставил в дневнике следующую запись о чеченском фольклоре: «У народа есть своя литература – прекрасная, неподражаемая, но она не подделка, она выпевается из среды самого народа» [3, с. 36].

1 февраля 1852 года Толстой со слов Балты Исаева и Садо Мисирбиева собственноручно записал две чеченские девичьи песни [17, с. 89–90]. Он зафиксировал эти фольклорные произведения на слух, так, как они звучат на чеченском языке, ставя при необходимости диакритические знаки, а также приводя подстрочный перевод на русском языке. Эти песни около ста лет пролежали в архиве Льва Толстого, пока

профессор Н.Ф. Яковлев не нашел их среди неопубликованных рукописей писателя [23]. Н.Ф. Яковлев так прокомментировал эти песни: «...обе песни носят явно выраженный характер свадебной символической поэтики. Первая в образах, знакомых из русских песен, символизирует неизбежность брака с "суженым", вторая песня поясняется многочисленными русскими свадебными параллелями, трактующими об идеальном, с точки зрения невесты, женихе» [10, с. 115]. После этого материалы этих песен использовали в своих научных работах Х.В. Туркаев [18, с. 37], А.О. Мальсагов [11, с. 92–96], О.А. Джамбеков [5, с. 121–127] и др.

А. Мальсагов, на наш взгляд, правильно возразил в своей статье «Образцы народной поэзии чеченцев и ингушей в творчестве Л. Толстого» Н.Ф. Яковлеву, указав, что эти песни нельзя отнести как к свадебным, так и к обрядовым [11, с. 94]. По своей тематической направленности они совершенно не соответствуют чеченским обрядовым песням. По мнению О.А. Джамбекова, первая песня, скорее всего, имеет частный характер, потому что в ней лирическая героиня делится своим личным горем: «Оце кланта ара яла меттиг битац сона» («Этот парень не позволяет мне свободно выйти на улицу»), т.е. угрожает похищением [5, с. 123]. Горе девушки усугубляют социальные причины, связанные с тем, что она одинока, у неё нет братьев, других близких родственников, которые могли бы защитить её от посягательства нелюбимого «жениха» («кланта»). Все это указывает на социальную направленность песни. В то же время мы видим, что девушке безразлично «общественное мнение», она боится нравственной подоплёки, как бы люди чего не подумали, что она «сама себя ударив, убила бы...».

Мотив этот широко распространен в чеченских народных девичьих лирических песнях. В них лирическая героиня часто умоляет своих родителей не выдавать её замуж за нелюбимого: она готова жить даже на песке, но только с милым «птенцом». Подтверждение этому мы находим во второй песне, записанной Л.Н. Толстым со слов Садо Мисирбиева. В ней описывается, как девушка борется за свое личное счастье. Для иллюстрации следует привести полный текст этой песни:

Алалай, вададай, ша йина баба,
 Ой, ой, ой! Родившая меня мама,
 Вайн анни божлера са цена гила,
 Чистокровный конь, что в нашей конюшне,
 И хIунда балейна, хайй хьуна?
 Зачем приведен, знаешь ли ты?
 Вададай, вайн баьрчера мажар,
 Вададай, это ружье, что на почетном месте,
 И хIунда еана, хайй хьуна?
 Зачем его принесли, знаешь ли ты?
 Хьо еха (лахо) вогIучу гуьржин элано еана.
 Приехавший тебя сватать грузинский князь привез.
 Сан нана, сан даго тIе ца оьцу и.
 Моя мама, мое сердце не принимает его.
 Аса сайна лехна буйсинах де ден клант.
 Я сама себе нашла из ночи день делающего жениха.
 Вададай, баба, вайн баьрчера гуьржийн даре
 Вададай, мама, этот грузинский шелк, что у нас лежит,
 И хIунда деана, хайй хьуна?
 Зачем принесли, знаешь ли ты?
 Хьо еха веанчу кланта деана.
 Это жених, что сватать тебя приехал, принес.
 Суна ца веза Гуьржех оьхуш, кладеш кхоьхьу клант.
 Я не люблю молодца, который ездит за товарами в Грузию.
 Сан нана, сайн кортех ма яккха со, хьайна езихь.
 Моя мама, если любишь меня, не лишай меня головы.

Буйсанах де ден кІант веана со йолча, марша Йойла!
Из ночи день делающий молодец приехал за мной. Прощай!
Хийла кхерий ахъа со, со хІинца йоьда маре,
Сколько страцала ты меня, теперь я выхожу замуж,
Дала мукълахъ хІунца со сай корта мукъа яле.
Слава богу – теперь вышла моя голова на волю.

В этой песне Л. Толстого явно заинтересовал ярко выраженный характер девушки, которая любит «кІанта» «делающего из ночи день», её совершенно не интересует богатый грузинский князь или молодец, которые ездят за шелком в Грузию. В прошлом сюжет этой песни был широко распространен в Чечне, свидетельством тому служит то, что в наши дни встречаются варианты этой песни.

Тогда Толстой этим песням дал имена: «Песня Балты» и «Песня Садо», но утверждение Н. Яковлева о том, что Балта и Садо являются авторами этих песен, конечно, не верны. Такие же незначительные упущения мы находим и в работе Б. Грановского [4, с. 125], высказавшего свои суждения об этих песнях после Ахмеда Мальсагова.

Б. Грановский неверно, на наш взгляд, утверждает, что Л. Толстой записал от Садо песню «Я сама бы себя убила» («Су сайна техъна лирьера...»), от Балты – песню «Ах тяжело мне, родимая матушка» «Алалай, вададай шилока шамна баба вай анни...». Здесь налицо невнимательное отношение к первоисточнику Л. Толстого.

В середине и второй половине XIX века чеченский фольклор собирали и записывали И. Цискаров, А.П. Берже, П.К. Услар, И. Бартоломей, А.П. Ипполитов, У. Лаудаев, И. Магомаев и др.

В 1859 году известный кавказовед А.П. Берже опубликовал в своей книге «Чечня и чеченцы» [2] старинную чеченскую песню «Песня о Турпале Нохчо», потом он перевел эту песню на французский язык и отправил Г. Жилю, которую тот вскоре поместил в вышедшем в Париже 1859 году своём сочинении о Кавказе. В этой народной лирической песне, «сильно выражающей жизнь удалцов, страстно привязанных к своей отчизне и независимости» [2, с. 128], своеобразными поэтическими образами выражено стремление сказителя «художественно осмыслить» проблему генезиса чеченского народа.

Вот текст песни, который мы приводим, сохраняя оригинал А.П. Берже: «Неохотно приближаешься к старости, неохотно удаляешься от молодости. Не хотите ли, добрые молодец, Турпал Нахчуо, я спою вам нашу родную песенку: как искры сыплются от булата, так мы рассыпались от Турпала Нахчуо. Родились мы в ту ночь, когда от волчицы родятся щенки, имена нам даны были в то утро, когда ревел барс; такими произошли мы от праотца Турпала Нахчуо. Когда в небе нет туч, тогда и дождь нейдет, так и у нас, когда нет думы на сердце, то и глаза не плачут. Если душою не положитесь вы на бога, то и в деле не успеете. Не утратим славы имени отца нашего Турпала Нахчуо» [2, с. 129].

Один из первых исследователей чеченской народной лирики М.Д. Дикаев так отзывается об этой песне в своей статье «Чечено-ингушская народная социально бытовая лирика»: «Помимо необыкновенно ярких, самобытных художественных сравнений, в песне особенно интересно то, что религиозный мотив не довлеет над жизненной целеустремленностью песни. "Не утратим славы имени отца нашего Турпала Нахчуо" – вот главная мысль, лейтмотив песни» [8, с. 78].

Пламенная любовь чеченцев к своей отчизне и независимости, как подчеркнул А.П. Берже, «сильно выразилась» в «Песне о Турпале Нахчуо». «Эта песня, – писал он, – даже в переводе не могла утратить оригинальности и безыскусной простоты, которыми отличаются все вообще подобные памятники народной старины» [2, с. 129].

В чеченских лирических песнях в противоположность рабу и трусу поэтизируется вольный независимый и боевой горец, который должен явиться наследником героической славы отцов. Как в песне, записанной А.П. Берже, так и в «Песне из

времен борьбы вольных горцев с феодалами» (Поэзия Чечено-Ингушетии, 1959) по-своему, образно объясняются истоки чеченской отваги:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица;
А имя нам дали утром,
Под барса рев заревой,
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой.

(перевод Н. Тихонова).

«Родиться той ночью, когда щенилась волчица...», для чеченца означает «родиться в особую ночь», т.е. родиться храбрым человеком. В чеченской народной поэтике есть символическое выражение «берзан буйса» – «волчья ночь». Это ночь «темная, бурная, когда ни волкам, ни молодцам не спится, когда и волки, и молодцы рыщут для разных приключений» [19, с. 10]. Вообще «волк – самый поэтический зверь в понятиях горцев. Лев, орел изображают силу – они идут на слабого; волк идёт на более сильного, чем он сам; недостаток силы заменяется отвагой, дерзостью, ловкостью; в темную ночь бродит он вокруг стада, вокруг аула, откуда ежеминутно грозит ему смерть... Попавшись в безысходную беду, умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. Эти свойства характеризуют героя по горским понятиям» [19, с. 9]. О ночных подвигах героев народ узнавал обычно утром, и мудрые горцы, повидавшие на своём веку немало храбрецов, давали характеристику новому смельчаку зачастую утром. Видимо, с этим связано то имя, которое получали герои «под барса рев заревой».

Чеченские народные лирические песни в своё время на языке оригинала записывал Ибрагим Магомаев из с. Гехи. Он пользовался алфавитом барона П.К. Услара. Они опубликованы в XXII томе «Сборника описания местностей и племён Кавказа» (1897).

После установления советской власти в Чечне (начало 1920-х гг.) работа над собиранием и публикацией чеченского фольклора резко активизировалась. В первую очередь это было связано с распространением письменности и появлением национальной интеллигенции. Особенно следует отметить работу в этой части С. Бадиева, А. Нажаева. Чеченские народные лирические песни, записанные Бадиевым в 1920–1930-е годы, в 1977 году исследователь Х.В. Туркаев, работая над собранием сочинений писателя, поделив на две части («Песни царского времени» и «Песни бадиевских времен»), включил во второй том. По своей художественной форме и содержанию все они суть народные лирические песни [18, с. 37].

В 1926 году один за другим вышли в печати два фольклорных сборника Ахмада Нажаева (второй – в соавторстве с С. Ибриевым) [20; 21]. Фольклорные произведения, вошедшие в эти сборники, одним из первых чеченских фольклористов Ахмадом Нажаевым записаны очень добротнo, поэтому сегодня ученые-фольклористы дают им высокую оценку. В свой первый сборник А. Нажаев включил тексты нескольких лирических песен [20].

Чеченские лирические песни публиковались в 1920–1930-х годах в газете «Серло», а также в первых хрестоматиях по чеченской литературе. Как известно, к концу 1930-х годов чеченские литераторы и фольклористы – Саид Бадиев, Ахмад Нажаев, Магамед Сальмурзаев, Халид Ошаев, Саид-Бей Арсанов и ряд других – подготовили к печати первый чеченский фольклорный сборник. Но этот сборник не увидел свет, т.к. в период репрессий власть одних её собирателей репрессировала (С. Бадиев, А. Нажаев), а других (Х. Ошаев, С.-Б. Арсанов) сослала в Сибирь. После возвращения чеченцев из депортации Абу Дадуев, Зайнди Джамалханов и другие восстановили по памяти некоторые тексты и включили их в первый и третий тома чеченского фольклора, которые вышли в свет соответственно в 1959 и 1964 годах.

В первый том чеченского фольклора, вышедшего в 1959 году в Грозном под названием «Чеченские илли, песни», вошло более пятидесяти текстов девичьих лирических песен. В предисловии к сборнику составители З. Джамалханов и С. Эльмурзаев отмечают: «Девичьи песни (опубликованные здесь) в основном создавались в советское время. По форме они очень похожи на стихи наших поэтов» [14, с. 11].

Однако после нескольких десятков лет собирания и публикации чеченского фольклора научное исследование их показало, что чеченские народные лирические песни, опубликованные в этом томе, создавались не только в советское время, а, напротив, это один из исторических жанров устно-поэтического наследия народа, корнями уходящий в седую древность.

Магомед Дикаев в вышеуказанной работе также подтверждает правильность этого тезиса. Однако в дальнейшем, не сумев на раннем этапе решить проблему классификации народных лирических песен, он пошел по ложному пути: в рамках одной научной работы учёный рассматривает «трудовые», «героико-эпические» и «лирические» песни [7, с. 56–61].

Чеченские народные лирические песни, вошедшие в фольклорный сборник под названием «Чеченский фольклор» [22, с. 454–501], распределены уже на основе новой тематической классификации, принятой в науке. Прежде всего, здесь проведена чёткая черта между героико-историческими песнями илли и лирическими песнями, а также разграничены «песни, связанные с обрядами» и внеобрядовые песни. Опираясь на исследования последних лет, все лирические песни, вошедшие в этот сборник, разделены на следующие группы: песни социально-политического содержания, социально-бытовые, любовные, шуточные, сатирические, танцевальные песни и лирические плачи. К этой классификации ученые пришли, записав в полевых условиях огромное количество чеченских народных лирических песен, исследовав их основные поэтические и тематические особенности.

Чеченские девичьи песни опубликованы также в двух номерах фольклорно-этнографического журнала «Пхьармат» («Прометей») [12], выходивших в Грозном в 1991 году. Особо нужно отметить тексты восьми народных лирических песен из второго номера этого журнала, записанные Якубом Эсхаджиевым в 1956 году в Казахстане от сказительницы Матусы Баталовой из селения Тостой-Юрт, в которых лирическая героиня оплакивает свою судьбу в годы депортации [13, с. 94–98]. Вторая часть этого цикла М. Баталовой (также 8 песен) опубликована во второй части учебного пособия «Чеченское устное народное творчество», которое вышло в свет в 2012 году [23, с. 419–427]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что всякое научное исследование любого фольклорного жанра следует начинать со сбора и записи фольклорных образцов с последующей классификацией.

Работа по записи и публикации образцов чеченской народной лирики продолжается и в наши дни. Особенно радует то, что студенты-филологи гуманитарных факультетов высших учебных заведений республики – университета и педагогического института – в последние годы вновь возродили фольклорные экспедиции в горные районы, многое делается для фиксации фольклорных произведений также многочисленными любителями народной словесности.

Список литературы

1. Азиатский музыкальный журнал / под ред. И. Добровольского. – 1816. – № 7.
2. Берже А. П. Чечня и чеченцы / А. П. Берже. – Тифлис, 1859. – 141 с.
3. Виноградов Б. С. Он здесь жил и творил / Б. С. Виноградов // Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия : сб. ст. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978.
4. Грановский Б. Б. К истории русско-чеченских фольклорных связей / Б. Б. Грановский // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981.
5. Джамбеков О. А. Чечено-ингушские народные песни в переводе на русский язык / О. А. Джамбеков // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982.

6. Джамбеков О. А. В поисках цели, достойной человека... / О. А. Джамбеков // Проблемы исторического и культурного взаимодействия России и Чечни» (К 150-летию со дня приезда Л.Н. Толстого в Чечню) : сб. мат-лов регион. науч.-практ. конф. – Махачкала, 2002.
7. Дикаев М. Д. Чечено-ингушская народная лирика / М. Д. Дикаев // Аргун. – 1967. – № 2.
8. Дикаев М. Д. Чечено-ингушская народная социально-бытовая лирика / М. Д. Дикаев // Ученые записки. Серия филологическая. – Грозный, 1968. – Вып. 15.
9. Дикаев М. Д. Чечено-ингушские народные песни / М. Д. Дикаев // Аргун. – 1968. – № 2.
10. Л. Н. Толстой на Кавказе и в записях современников // Труды ЧИНИИЯЛ. Т. III. (Примечания). – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1961. – С. 115.
11. Мальсагов А. О. Образцы народной поэзии чеченцев и ингушей в творчестве Л. Толстого / А. О. Мальсагов // Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978.
12. Научно-публицистический журнал «Пхъармат» («Прометей»). – 1991. – № 1–2. (На чеченском языке).
13. Научно-публицистический журнал «Пхъармат» («Прометей»). 1991. – № 2. – С. 94–98. (На чеченском языке).
14. Ошаев Х. Чеченское устное народное творчество / Х. Ошаев, З. Джамалханов // Чеченские илли, лирические песни / сост. З. Джамалханов, С. Эльмурзаев. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1959. (На чеченском языке).
15. Бадиев С. Собрание сочинений / сост., предисл., коммент. Х. В. Туркаева. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. – С. 371–388. – Т. 2: Проза, драматургия. (На чеченском языке).
16. Татаева С. В. К вопросу о записи и публикациях произведений чеченского музыкального фольклора в первой половине XIX века / С. В. Татаева // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XIX – начале XX в. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981. – С. 142.
17. Толстой Л. Н. Дневник / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. – Москва, 1989. – Т. 46. – С. 89–90.
18. Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей / Х. В. Туркаев. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978.
19. Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев / П. К. Услар // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. 1. Отд. V. – С. 3–42.
20. Чеченские илли. Рассказы. Пословицы и поговорки / сост. А. Нажаев. – Владикавказ, 1926. (На чеченском языке).
21. Чеченские илли / сост. А. Нажаев, С. Ибриев. – Владикавказ, 1926. (На чеченском языке).
22. Чеченский фольклор. Сост. и науч. комм. – Ш.А. Джамбеков. – Грозный, 1990. – С. 454–501. (На чеченском языке).
23. Чеченское устное народное творчество : учеб. пос. / О. А. Джамбеков, Т. Б. Джамбекова. – Махачкала : Алеф, 2012. – Ч. 2. – С. 419–427. (На чеченском языке).
24. Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей / Н. Ф. Яковлев // Сердало. – 1927. – № 63 (24 августа).

References

1. Aziatskij muzykal'nyj zhurnal / ed. by I. Dobrovol'sky, 1816, № 7.
2. Berzhe, A.P. Chechnja i chechency. Tiflis, 1859. 141 p.
3. Vinogradov B. S. On zdes' zhil i tvoril // L.N. Tolstoj i Checheno-Ingushetija. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978.
4. Granovskij B. V. K istorii russko-chechenskih fol'klornyh svjazej // Vzaimootnoshenija narodov Checheno-Ingushetii s Rossiej i narodami Kavkaza v XVI – nachale XX v. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981.

5. Dzhambekov O. A. Checheno-ingushskie narodnye pesni v perevode na russkij jazyk // Russkaja hudozhestvennaja kul'tura i voprosy duhovnogo nasledija chechencev i ingushej. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982.
6. Dzhambekov O. A. V poiskah celi, dostojnoj cheloveka... // Problemy istoricheskogo i kul'turnogo vzaimodejstvija Rossii i Chechni (K 150-letiju so dnja priezda L.N. Tolstogo v Chechnju). Mahachkala, 2002.
7. Dikaev M. D. Checheno-ingushskaja narodnaja lirika // Argun, 1967, № 2.
8. Dikaev M. D. Checheno-ingushskaja narodnaja social'no-bytovaja lirika // Uchenye zapiski. Serija filologicheskaja. Groznyj, 1968. Is. 15.
9. Dikaev M. D. Checheno-ingushskie narodnye pesni // Argun, 1968, № 2.
10. L. N. Tolstoj na Kavkaze i v zapisjah sovremennikov // Trudy ChINIIJaL. T. III. (Primechanija). Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. P. 115.
11. Mal'sagov A. O. Obrazcy narodnoj poezii chechencev i ingushej v tvorcestve L. Tolstogo // L.N. Tolstoj i Checheno-Ingushetija. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978.
12. Nauchno-publicisticheskij zhurnal «Ph'armat» («Prometej»). Groznyj, 1991, № 1–2. (Na chechenskom jazyke).
13. Nauchno-publicisticheskij zhurnal «Ph'armat» («Prometej»). 1991, № 2, pp. 94–98. (Na chechenskom jazyke).
14. Oshaev H., Dzhamalhanov Z. Chechenskoe ustnoe narodnoe tvorcestvo // Chechenske illi, liricheskie pesni. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. (Na chechenskom jazyke).
15. Baduev S. Sobranie sochinenij. Vtoroj tom. Proza, dramaturgija. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978, pp. 371–388. (Na chechenskom jazyke).
16. Tataeva, S. V. K voprosu o zapisi i publikacijah proizvedenij chechenskogo muzykal'nogo fol'klora v pervoj polovine XIX veka // Vzaimootnoshenija narodov Checheno-Ingushetii s Rossiej i narodami Kavkaza v XIX – nachale XX v. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. – P. 142.
17. Tolstoj L. N. Dnevnik // Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, 1989, Vol. 46, pp. 89–90.
18. Turkaev H. V. Istoricheskie sud'by literatur chechencev i ingushej. Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978.
19. Uslar P. K. Koe-chto o slovesnyh proizvedenijah gorcev // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Tiflis, 1868. Is. 1. Otd. V, pp. 3–42.
20. Chechenske illi. Rasskazy. Poslovicy i pogovorki. Vladikavkaz, 1926. (Na chechenskom jazyke).
21. Chechenske illi. Vladikavkaz, 1926. (Na chechenskom jazyke).
22. Chechenskij fol'klor. Groznyj, 1990, pp. 454–501. (Na chechenskom jazyke).
23. Chechenskoe ustnoe narodnoe tvorcestvo / O. A. Dzhambekov, T. B. Dzhambekova. Mahachkala, Alef, 2012, part 2, pp. 419–427. (Na chechenskom jazyke).
24. Jakovlev N. F. Voprosy izuchenija chechencev i ingushej // Serdalo, 1927, № 63 (24 avg.).

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ИМАЖИНИЗМА

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Целью статьи является выявление особенностей литературно-критического дискурса имажинизма в его обусловленности эстетической программой группы, типологическими принципами и поэтикой речевых жанров. Он анализируется с учетом преобладающих типов интерпретаций, форм авторского сознания, жанрообразующих фак-